

П. Бомарше

**Севильский цирюльник
или Тщетная предосторожность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
П11

П11 **П. Бомарше**
Севильский цирюльник: или Тщетная предосторожность / П. Бомарше – М.: Книга по Требованию, 2022. – 62 с.

ISBN 978-5-4241-2744-1

"Севильский цирюльник" был первоначально написан в форме фарса-"парада", текст которого до нас не дошел.

В 1772 году Бомарше переделывает его в комическую оперу, используя музыкальные впечатления, полученные во время поездки в Испанию в 1764 году. Однако премьера состоялась лишь 2 года спустя и не имела успеха. Бомарше в очередной раз переделывает пьесу, сокращает ее, и новая премьера проходит с огромным успехом.

Для европейской сцены в "Севильском цирюльнике" было немного нового - она несчетное количество раз видела уже и скупых влюбленных стариков, и благородных юношей, отбивавших у недостойных опекунов прелестных воспитанниц с помощью продувных и расторопных слуг. Однако здесь традиционные комические типы переживают несколько метаморфоз: опекун Бартоло умен, хитер, проникателен, и бойкому Фигаро, при всей его ловкости, не так-то легко провести старика. Он сталкивается с противником равным, опасным, который едва не одерживает победу и над любовной прытью графа Альмавивы, и над лукавой находчивостью цирюльника.

ISBN 978-5-4241-2744-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© П. Бомарше, 2022

Де Бомарше Пьер Огюстен Севильский цирюльник

Бомарше
Севильский цирюльник
ПЬЕР ОГЮСТЕН КАРОН де БОМАРШЕ
СЕВИЛЬСКИЙ ЦЫРЮЛЬНИК ИЛИ ТЩЕТНАЯ
ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ

Комедия в четырех действиях

Перевод Н.М. Любимова

Я был отцом и умереть не мог! «Заира», действие II

Действующие лица

Г р а ф А л ь м а в и в а, испанский гранд, тайный поклонник
Розины.

Б а р т о л о, доктор, опекун Розины.

Р о з и н а, особа благородного происхождения, воспитанница
Бартоло.

Ф и г а р о, севильский цирюльник.

Д о н Б а з и л ь, органист, дающий Розине уроки пения.

В е с н а, престарелый слуга Бартоло.

Н а ч е к у, другой слуга Бартоло, малый придурковатый и
вечно сонный.

Н о т а р и у с.

А л ь к а л ь д, блюститель закона.

А л ь г у а с и л ы и с л у г и с факелами.

Костюмы действующих лиц, соответствующие старинным
испанским

Г р а ф А л ь м а в и в а. В первом действии появляется в атласном камзоле и в атласных коротких штанах; сверху на нем широкий темный испанский плащ; шляпа черная, с опущенными полями, вокруг тульи цветная лента. Во втором действии он в кавалерийской форме, в сапогах и с усами. В третьем действии он одет бакалавром: волосы в кружок, высокий воротник, камзол, короткие штаны, чулки, плащ, как у аббата. И четвертом действии на нем великолепный испанский костюм, часть которого составляет роскошный плащ; сверху на нем его обычный плащ, широкий и

темный.

Б а р т о л о. Короткополый наглухо застегнутый черный костюм, большой парик, брыжи и отложные манжеты, черный пояс; когда он выходит из дому, то надевает длинный яркокрасный плащ.

Р о з и н а одета, как испанка.

Ф и г а р о. На нем костюм испанского щеголя. На голове сетка; шляпа белая с цветной лентой вокруг тульи; на шее свободно повязанный шелковый галстук; жилет и короткие атласные штаны на пуговицах, с петлями, обшитыми серебряной бахромой; широкий шелковый пояс; на концах подвязок кисти; яркий камзол с большими отворотами, одного цвета с жилетом, белые чулки и серые туфли.

Д о н Б а з и л ь. Черная шляпа с опущенными полями, сутана без брыжей и манжет, длинный плащ.

В е с н а и Н а ч е к у. Оба в галисийских костюмах, волосы заплетены в косичку, на обоих светложелтые жилеты, широкие кожаные пояса с пряжками, синие штаны и такие же куртки, рукава которых, с разрезами для рук возле плеч, откинута за спину.

А л ь к а л ь д. В руке у него длинный белый жезл.

Действие происходит в Севилье; первый акт — на улице, под окнами Розины, остальные — в доме доктора Бартоло.

*** ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ ***

Сцена представляет улицу в Севилье; во всех домах окна забраны решеткой.

ЯВЛЕНИЕ I

Г р а ф один, в широком темном плаще и шляпе с опущенными полями. Прохаживаясь по сцене, вынимает часы.

Я думал, сейчас больше. До той поры, когда она имеет обыкновение показываться в окне, ждать еще долго. Ну, ничего: лучше прийти раньше времени, чем упустить возможность увидеть ее. Если б какому-нибудь придворному любезнику могло прийти в голову, что я, в ста лье от Мадрида, каждое утро стою под окнами женщины, с которой ни разу словом не перемолвился, он принял бы

меня за испанца времен королевы Изабеллы. А что в этом такого? Все охотятся за счастьем. Мое счастье заключено в сердце Розины. Но как же так? Подстергать женщину в Севилье, когда в столице и при дворе сколько угодно вполне доступных наслаждений? Вот их-то я и избегаю. Я устал от побед, непрерывно доставляемых нам корыстью, обычаем или же тщеславием. Это так отрадно, когда тебя любят ради тебя самого! И если бы с помощью этого переодевания я мог убедиться... Кого-то черт несет!

ЯВЛЕНИЕ II

Ф и г а р о, граф прячется. Фигаро весело напевает; за спиной у него гитара на широкой ленте, в руках бумага и карандаш.

Прогоним грусть: она Нас заедает! Без песен и вина Жизнь даром пропадает! И каждый — если он На скуку обречен - Исчхнет от забот И дураком умрет!

Пока что, право, недурно.

И дураком умрет, Лень и вино — мои две страсти: Они мне сердце рвут на части...

Да нет, они его не рвут, они оба мирно уживаются в нем...

И спорят в сердце из-за власти...

А разве говорят: «спорят в сердце»? А, боже мой, наши сочинители комических опер в такие тонкости не входят! В наше время чего не следовало бы говорить, то поется. (Поет.)

Лень и вино — мои две страсти: Обeim предан я равно...

Мне бы хотелось в заключение придумать что-нибудь необыкновенное, блестящее, сверкающее, содержащее в себе определенную мысль. (Становится на одно колено и пишет напевая.)

Обeim предан я равно: Лень для меня источник счастья, А радость мне дает вино.

Э, нет, это плоско. Не то... Здесь требуется противопоставление, антитеза:

У лени я всегда во власти, Вино же...

Ага, канальство, вот оно...

Вино же—верный мой слуга!

Молодец, Фигаро!.. (Записывает, напевая.)

Вино и лень — мои две страсти: И дружба их мне дорога: У

лени я всегда во власти, Вино же—верный мой слуга! Вино же—верный мой слуга! Вино же—верный мой слуга!

Так, так, а если к этому еще аккомпанемент, то мы тогда посмотрим, господа завистники, правда ли, будто я сам не понимаю, что пишу... (Замечает графа.) Я где-то видел этого аббата. (Встает.)

Г р а ф (в сторону). Лицо этого человека мне знакомо.

Ф и г а р о. Да нет, это не аббат! Эта горделивая благородная осанка...

Г р а ф. Эта нелепая фигура...

Ф и г а р о. Я не ошибся: это граф Альмавива.

Г р а ф. Мне кажется, это плут Фигаро.

Ф и г а р о. Он самый, ваше сиятельство.

Г р а ф. Негодяй! Если ты скажешь хоть одно слово...

Ф и г а р о. Да, я узнаю вас, узнаю по лестным определениям, которыми вы всегда меня награждали.

Г р а ф. Зато я тебя не узнаю. Ты так растолстел, раздобрел...

Ф и г а р о. Ничего не поделаешь, ваше сиятельство, — нужда.

Г р а ф. Бедняжка! Однако чем ты занимаешься в Севилье? Ведь я же дал тебе рекомендацию в министерство и просил, чтобы тебе подыскали место.

Ф и г а р о. Я его и получил, ваше сиятельство, и моя признательность...

Г р а ф. Зови меня Линдором. Разве ты не видишь по этому моему маскараду, что я хочу остаться неузнанным?

Ф и г а р о. Я удаляюсь.

Г р а ф. Напротив. Я здесь кое-кого поджидаю, а два болтающих человека внушают меньше подозрений, чем один гуляющий. Итак, давай болтать. Какое же тебе предоставили место?

Ф и г а р о. Министр, приняв в соображение рекомендации вашего сиятельства, немедленно распорядился назначить меня аптекарским помощником.

Г р а ф. В какой-нибудь военный госпиталь?

Ф и г а р о. Нет, при андалусском конном заводе.

Г р а ф (со смехом). Для начала недурно!

Ф и г а р о. Место оказалось приличное: в моем ведении находились все перевязочные и лечебные средства, и я частенько

продавал людям хорошие лошадиные снадобья...

Г р а ф. Которые убивали подданных короля!

Ф и г а р о. Увы! Всеисцеляющего средства не существует. Все-таки они иной раз помогали кое-кому из галисийцев, каталонцев, овернцев.

Г р а ф. Почему же ты ушел с должности?

Ф и г а р о. Я ушел? Она от меня ушла. На меня наговорили начальству.

О зависть бледная с когтистыми руками...

Г р а ф. Помилосердствуй, помилосердствуй, друг мой! Неужели и ты сочиняешь стихи? Я видел, как ты, стоя на коленях, что-то царапал и ни свет ни заря распевал.

Ф и г а р о. В этом-то вся моя и беда, ваше сиятельство. Когда министру донесли, что я сочиняю любовные стишки, и, смею думать, довольно изящные, что я посылал загадки в газеты, что мои мадригалы ходят по рукам, словом когда министр узнал, что мои сочинения с пылу с жару попадают в печать, он взглянул на дело серьезно и распорядился отрешить меня от должности под тем предлогом, что любовь к изящной словесности несовместима с усердием к делам службы.

Г р а ф. Здраво рассудил! И ты не возразил ему на это...

Ф и г а р о. Я был счастлив тем, что обо мне забыли: по моему разумению, если начальник не делает нам зла, то это уже немалое благо.

Г р а ф. Ты чего-то не договариваешь. Помнится, когда ты служил у меня, ты был изрядным сорванцом...

Ф и г а р о. Ах, боже мой, ваше сиятельство, у бедняка не должно быть ни единого недостатка — это общее мнение!

Г р а ф. Шалопаем, сумасбродом...

Ф и г а р о. Ежели принять в рассуждение все добродетели, которых требуют от слуги, то много ли, ваше сиятельство, найдется господ, достойных быть слугами?

Г р а ф (со смехом). Неглупо сказано. Так ты переехал сюда?

Ф и г а р о. Не сразу...

Г р а ф (прерывает его). Одну секунду... Мне показалось, что это она... Продолжай, я тебя слушаю.

Ф и г а р о. Я вернулся в Мадрид и решил еще раз блеснуть своими литературными способностями. Театр показался мне достойным попрощем...

Г р а ф. Боже милосердный! (Во время следующей реплики Фигаро граф не сводит глаз с окна.)

Ф и г а р о. Откровенно говоря, мне непонятно, почему я не имел большого успеха: ведь я наводнил партер прекрасными работниками, — руки у них... как вальки. Я запретил перчатки, трости, все, что мешает рукоплесканиям. И даю вам честное слово, перед началом представления я проникся уверенностью, что завсегдатаи кофейной относятся ко мне в высшей степени благожелательно. Однакож проищи завистников...

Г р а ф. Ага, завистники! Значит, автор провалился.

Ф и г а р о. Как и всякий другой. Что же в этом особенного? Они меня освистали. Но если бы мне еще раз удалось заставить их собраться в зрительном зале...

Г р а ф. То скука бы им за тебя как следует отомстила?

Ф и г а р о. О черт, как же я их ненавижу!

Г р а ф. Ты все еще бранишься! А знаешь ли ты, что в суде предоставляют не более двадцати четырех часов для того, чтобы ругать судей?

Ф и г а р о. А в театре — двадцать четыре года. Всей жизни не хватит, чтобы излить мою досаду.

Г р а ф. Мне нравится твоя забавная ярость. Но ты мне так и не сказал, что побудило тебя расстаться с Мадридом.

Ф и г а р о. Мой ангел-хранитель, ваше сиятельство: я счастлив, что свиделся с прежним моим господином. В Мадриде я убедился, что республика литераторов — это республика волков, всегда готовых перегрызть друг другу горло, и что, заслужив всеобщее презрение смехотворным своим неистовством, все букашки, мошки, комары, критики, москиты, завистники, борзописцы, книготорговцы, цензоры, все, что присасывается к коже несчастных литераторов, — все это раздирает их на части и вытягивает из них последние соки. Мне опротивело сочинительство, я надоел самому себе, все окружающие мне опостытели, я запутался в долгах, а в карманах у меня гулял ветер. Наконец, рассудив, что ощутительный

доход от бритвы лучше суетной славы пера, я оставил Мадрид. Котомку за плечи, и вот, как заправский философ, стал я обходить обе Кастилии, Ламанчу, Эстремадуру, Сьерру-Морену, Андалусию; в одном городе меня встречали радушно, в другом сажали в тюрьму, я же ко всему относился спокойно. Одни меня хвалили, другие порицали, я радовался хорошей погоде, не сетовал на дурную, издевался над глупцами, не клонил головы перед злыми, смеялся над своей бедностью, брил всех подряд и в конце концов поселился в Севилье, а теперь я снова готов к услугам вашего сиятельства, — приказывайте все, что вам заблагорассудится.

Г р а ф. Кто тебя научил такой веселой философии?

Ф и г а р о. Привычка к несчастью. Я тороплюсь смеяться, потому что боюсь, как бы мне не пришлось заплакать. Что это вы все поглядываете в ту сторону?

Г р а ф. Спрячемся.

Ф и г а р о. Зачем?

Г р а ф. Да иди же ты, несносный! Ты меня погубишь!

Прячутся.

ЯВЛЕНИЕ III

Б а р т о л о,

Р о з и н а. Жалюзи в первом этаже открывается, и в окне показываются

Б а р т о л о и

Р о з и н а

Р о з и н а. Как приятно дышать свежим воздухом!.. Жалюзи так редко открывается...

Б а р т о л о. Что это у вас за бумага?

Р о з и н а. Это куплеты из «Тщетной предосторожности», — мне их дал вчера учитель пения.

Б а р т о л о. Что это еще за «Тщетная предосторожность»?

Р о з и н а. Это новая комедия.

Б а р т о л о. Опять какая-нибудь пьеса! Какая-нибудь глупость в новом вкусе!

Р о з и н а. Не знаю.

Б а р т о л о. Ну, ничего, ничего, газеты и правительство избавят

нас от всего этого. Век варварства!

Р о з и н а. Вечно вы браните наш бедный век.

Б а р т о л о. Прошу простить мою дерзость, но что он дал нам такого, за что мы могли бы его восхвалять? Всякого рода глупости: вольномыслие, всемирное тяготение, электричество, веротерпимость, оспопрививание, хину, энциклопедию и драматические произведения...

Р о з и н а (лист бумаги выскальзывает у нее из рук и падает на улицу). Ах, моя песенка! Я вас заслушалась и уронила песенку. Бегите, бегите же, сударь, а то моя песенка потеряется!

Б а р т о л о. А, черт, держали бы как следует! (Отходит от окна.)

Р о з и н а (смотрит ему вслед и подает знак на улицу). Пст, пст!

Появляется граф.

Скорей поднимите и — бегом!

Граф мгновенно поднимает с земли лист бумаги и скрывается.

Б а р т о л о (выходит из дома и начинает искать). Где она? Я не вижу.

Р о з и н а. Под окном, у самой стены.

Б а р т о л о. Нечего сказать, приятное поручение! Наверно, здесь кто-нибудь проходил?

Р о з и н а. Я никого не видела.

Б а р т о л о (сам с собой). А я-то стараюсь, ищу! Бартоло, мой друг, вы болван, и больше ничего. Вот вам урок: в другой раз не станете открывать окон, которые выходят на улицу. (Входит в дом.)

Р о з и н а (у окна). Оправданием служит мне моя горькая доля: я одинока, сиюзу взаперти, меня преследует постылый человек, так разве же это преступление — попытаться выйти на волю?

Б а р т о л о (появляется у окна). Отойдите от окна, сеньора. Это моя оплошность, что вы потеряли песенку, но подобное несчастье больше с вами не повторится, ручаюсь вам. (Запирает жалюзи на ключ.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Г р а ф и

Ф и г а р о крадучись входят.

Г р а ф. Они ушли, теперь давай посмотрим, что это за песня: в ней, уж верно, кроется тайна. Это записка!

Ф и г а р о. А он-то еще спрашивал, что такое «Тщетная предосторожность»!

Г р а ф (быстро читает). «Ваша настойчивость возбуждает мое любопытство. Как только уйдет мой опекун, вы с безучастным видом спойте на известный мотив этих куплетов что-нибудь такое, что мне открыло бы, наконец, имя, звание и намерения человека, который, повидимому, столь упорно стремится обратить на себя внимание злосчастной Розины».

Ф и г а р о (передразнивая Розину). «Моя песенка, моя песенка упала. Бегите, бегите же!» (Хохочет.) Ха-ха-ха! Ох, уж эти женщины! Если вам нужно, чтобы самая из них простодушная научилась лукавить, — заприте ее.

Г р а ф. Дорогая моя Розина!

Ф и г а р о. Ваше сиятельство, теперь мне уже ясна цель вашего маскарада: вы ухаживаете на расстоянии.

Г р а ф. Ты угадал. Но если ты проболтаешься...

Ф и г а р о. Я, да вдруг проболтаюсь! Чтобы вас разуверить, я не стану прибегать к трескучим фразам о чести и преданности, которыми у нас нынче так злоупотребляют. Я скажу лишь, что мне выгодно служить вам. Взвесьте все на этих весах, и вы...

Г р а ф. Отлично. Так вот, да будет тебе известно, что полгода назад случай свел меня на Прадо с молодой девушкой, да такой красавицей!.. Ты ее сейчас видел. Напрасно я потом искал ее по всему Мадриду. Только совсем недавно мне удалось узнать, что ее зовут Розиной, что она благородного происхождения, сирота и замужем за старым севильским врачом, неким Бартоло.

Ф и г а р о. По чести скажу, славная птичка, да только трудно вытащить ее из гнезда! А кто вам сказал, что она замужем за доктором?

Г р а ф. Все говорят.

Ф и г а р о. Эту небезлицу он сам сочинил по приезде из Мадрида для того, чтобы ввести в заблуждение и отвадить поклонников. Пока она всего лишь его воспитанница, однако в скором времени...

Г р а ф (живо). Никогда! Ах, какая новость! Я готов был пойти

на все, чтобы выразить ей соболезнование, а она, оказывается, свободна. Нельзя терять ни минуты, нужно добиться ее взаимности и спасти ее от тех недостойных уз, которые ей готовятся. Так ты знаешь ее опекуна?

Ф и г а р о. Как свою родную мать.

Г р а ф. Что это за человек?

Ф и г а р о (живо). Это крепенький, приземистый, толстенный, серый в яблоках старичок, гладко выбритый, молодящийся, но уже не мастак, отнюдь не простак, за всем следит, в оба глядит, ворчит и охает одновременно.

Г р а ф (нетерпеливо) Да я же его видел! А вот какого он нрава?

Ф и г а р о. Груб, прижимист, влюблен в свою воспитанницу и бешено ее ревнует, а та ненавидит его смертельной ненавистью.

Г р а ф. Следовательно, данных у него, чтобы понравиться...

Ф и г а р о. Никаких.

Г р а ф. Тем лучше. Насколько он честен?

Ф и г а р о. Ровно настолько, чтобы не быть повешенным.

Г р а ф. Тем лучше. Составить свое счастье, наказав мошенника...

Ф и г а р о. Значит принести пользу и обществу и самому себе. Честное слово, ваше сиятельство, это высшая мораль!

Г р а ф. Ты говоришь, что он держит дверь на запоре от поклонников?

Ф и г а р о. От всех на свете. Если б он мог ее замуровать...

Г р а ф. А, черт, это уже хуже! Ну, а тебя-то он пускает?

Ф и г а р о. Еще бы не пускать! *Primo* /Во-первых (лат.)/, я живу в доме, хозяином которого является доктор, и он предоставляет мне помещение *gratis*.../Бесплатно (лат.)/

Г р а ф. Вот оно что!

Ф и г а р о. А я в благодарность обещаю ему платить десять пистолей золотом в год, и тоже *gratis*...

Г р а ф (в нетерпении). Так ты его жилец?

Ф и г а р о. Не только: я его цырюльник, хирург, аптекарь. Когда ему требуется бритва, ланцет или же клистир, он никому не позволяет к ним прикоснуться, кроме вашего покорного слуги.

Г р а ф (обнимает его). Ах, Фигаро, друг мой, ты будешь моим ангелом-хранителем, моим спасителем!